

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5644205>

То, чего никогда не было

Направленность: Слэш

Автор: Али4е (<https://ficbook.net/authors/186985>)

Фэндом: Colin Farrell, Ezra Miller, Фантастические твари (кроссовер)

Пейринг или персонажи: Эзра/Колин

Рейтинг: NC-17

Жанры: Романтика, Юмор, Драма

Предупреждения: Нецензурная лексика

Размер: Мини, 15 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Небольшая зарисовка по горячим следам, никак не связанная с предыдущими текстами по этому пейрингу.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

— Что-то я не узнаю Колина Фаррелла... — пробормотал Джек, журналист топ-портала о знаменитостях hotmess.com.

Он ритмично кликал мышкой, прихлебывая черной как ночь кофе: клик-клик, хлюп-хлюп. Джек искал свежие снимки этого актера, которые срочно требовалось загрузить на сайт с какой-нибудь забористой подписью. Портал должен был предлагать посетителям только самое горячее дерьмо, а количество запросов с упоминанием Колина Фаррелла в последнее время увеличилось в разы.

Подпись Джек уже придумал, но иллюстрация к ней все никак не подбиралась, поэтому вид у него был самый угрюмый.

— Что с ним случилось? — спросила его начальница Джил, смакуя капучино с розовыми зефирками. — Опять начал пить?

— Это было бы слишком хорошо для нас, — вздохнул Джек. — Все как раз наоборот. У него цветущий вид, он посещает массовые мероприятия и позирует с фанами.

Отвратительно. А я уже составил в голове чудесную фразу: «Они держат мою собачку в заложниках, поэтому я здесь», но снимки с его последней презентации совершенно к ней не подходят.

— Не такая уж чудесная твоя фраза, — заявила Джил. — Придумаешь другую.

— Что-то я не узнаю Эзру Миллера... — произнесла Джил на следующий день примерно в то же время, просматривая материалы об Эзре.

На этот раз Джек был доволен собой. В первую очередь тем, что открыл эту новую звезду, которая обещала стать лучшим поставщиком новостей по тематике портала со времен покойной Эми Вайнхаус. Сегодня как раз был сделан один, но большой шаг к этой вершине.

Под фото, на котором Эзра сидел рядом с Детокс, транс-звездой многочисленных шоу, Джек настучал:

Как затмить знаменитую драг квин?

1. Надень брюки сложного и не совсем понятного тебе покроя.
2. Трусы — для слабаков.
3. Увидев нацеленную камеру, раздвинь ноги пошире.
4. ПРОФИТ!

С точки зрения Джека, все вместе выглядело великолепно, и он не понимал, отчего Джил надувает губы.

— Что тебе не так? — ошетинился он. — Увидишь, сколько будет просмотров.

— Слишком длинные предложения, сократи их. И ты же сам понимаешь, что прорывом это не станет. Мы отстаем от конкурентов на полкорпуса, нам нужно что-то по-настоящему грязное и вонючее. — Задумчивый взор Джил устремился мимо монитора, на стену с рисунками шестилетнего сынишки Джека, на которых жизнерадостные зомби пожирали школьного учителя. — Но я вообще-то не об этом. Я об Эзре. Куда подевался его придурковатый задор? С таким лицом много глупостей не натворишь. С таким лицом, как у...

— Как у Колина Фаррелла, — вдруг сказал Джек, вспомнив вчерашний разговор.

Они многозначительно переглянулись. Повисла тишина. А потом Джек начал энергично протестовать:

— Нет. Нет-нет-нет. Если ты имеешь в виду те слухи, что ходили о них в прошлом году, так я тебе скажу, что они ломаного гроша не стоят. Всегда есть какая-то сестра жены осветителя, которая что-то видела своими глазами, чего не видел больше никто. Или эти анонимные форумы... Джил, мы же не пали так низко, чтобы ходить за новостями на анонимные форумы? Все ведь не так плохо, а?

— Могла бы выйти хорошая история, Джек, — хищно произнесла она. — Настоящая история, а не то, чем тебе приходится заниматься каждый день. Не ради этого же ты заканчивал университет. Вот и пригодится твоя склонность к длинным фразам и все твои прочие таланты, которые в тебе, я уверена, дремлют.

— О господи, Джил, из тебя манипулятор — как из меня лауреат Пулитцеровской премии. — Он брезгливо отодвинулся от нее. — Чего ты от меня хочешь?

— Найди источник, — голосом гуру произнесла Джил. — И дай мне историю.

А история началась примерно за год до этого, когда Колин встретил Эзру там, где не ожидал, на вечеринке у приятеля в Санта-Монике. Приятель был далек от шоу-бизнеса, за что Колин его особенно любил, и Эзра в числе гостей оказался сюрпризом. Не то чтобы неприятным, скорее наоборот.

Эзра, впрочем, и сам не осознавал, как он тоже далек от шоу-бизнеса, несмотря на свою нарочитую яркость. Оставалось только гадать, сломает ли его голливудская машина, точнее, как скоро это произойдет. Колин отлично знал, как мир жесток к странным детям, и ничего не мог поделать со своим даже не отцовским, а почти материнским желанием их защитить.

То, что Эзре это не всегда нравится, стало заметно еще на совместных съемках. Колин то принимался оправдывать его перед режиссером за мелкие прегрешения, то поглаживал по выступающим частям тела. Один раз даже спросил, не забыл ли он поесть. Если от поглаживаний тот млел и таял, то во многих других случаях отвечал недоуменным взглядом. Колин не мог ему объяснить, что на его месте — высокого, крепкого, не обиженного жизнью молодого человека — видит ребенка. Да блин, ему просто нравилось так себя вести, он испытывал от этого кайф. Весьма эгоистический. Почти сравнимый с сексуальным. Может, не столь интенсивный, но более глубокий.

Вот и сейчас Колин вообще-то собирался скромно блеснуть своей харизмой и затащить в постель какую-нибудь незамутненную калифорнийскую красотку, а лучше двух, и даже наметил предварительную цель. Но вместо этого он почти машинально вцепился в Эзру, потому что тот выглядел здесь, как павлин в курятнике.

Расплата не замедлила. В результате Колин оказался втянут в продолжительную дискуссию о гендерном равенстве, загнанный хоть и в мягкий, но все же уголок, откуда просто не мог выбраться. Рядом Эзра ерзал и вертелся, толкался коленками, объясняя постоянным зрителям телеканала «Фокс» связь между подростковой преступностью и уровнем гомофобии. Он пил, хотя и немного, хотя алкоголь его скорее успокаивал, делал «нормальным». И все же количество участников дискуссии стремительно сокращалось. За неимением достойного соперника Эзра принялся препираться с Колином, пусть тот и поддакивал ему, как патриархальная жена своему супругу и господину.

— Белый цисгендерный мужчина просто не может не быть гомофобом, поскольку вырос в культуре насилия, другой у нас нет. Именно привилегированное положение позволяет некоторым из них быть такими щедрыми в проявлениях толерантности.

Колин не умел вести беседы цитатами из прокламаций, поэтому просто спросил:

— Ты не на меня ли намекаешь?

— Интересно, что заставляет тебя так думать? — ехидно спросил Эзра, сверкая на него взглядом из-под челки. — Ах да, ты, наверное, играл бисексуальных персонажей...

— «Наверное», хм, — вставил Колин. — Наверное, играл.

— ...высказывался в поддержку прав меньшинств и, возможно, даже сроду не обозвал никого пидором. Что еще?

— Что бы это ни было, — смиренно произнес Колин, — я уже вижу, что не смогу тебя переубедить.

— По-твоему, я псих? — повторил Эзра реплику Криденса, криво ухмыляясь, вроде как шутя.

Но в глубине души Колин знал, что это не совсем шутка. И все трескучие фразы — лишь бумажная стена, за которой прячется отчаянное желание быть принятым таким, как есть. Некоторым странным детям не хватает сил на борьбу, но у Эзры они были, и он боролся, порой слишком яростно и не там, где нужно. Именно последнее почему-то вызывало у Колина особенное умиление.

Колин не знал, что сказать, и вдруг ему пришла в голову идея, которая в тот момент показалась ему просто замечательной, самым искренним и красноречивым жестом. Он положил руку Эзре на затылок и привлек его к себе. Губы возле губ, пять секунд на размышление, — женщинам он обычно давал десять, но тут решил обойтись пятью, — и после этого он поцеловал Эзру, от души, как положено, с языком.

Оторвавшись от него, Колин мимолетно порадовался глубокому изумлению на его лице.

— Ну что? Ты доволен?

Руку он убрал, но Эзра не отодвигался. От него пахло алкоголем и каким-то наверняка крайне экологическим одеколоном. По отдельности это была бы вонь, но вместе они создавали дурманящий аромат болотных зелий.

После долгой паузы Эзра сглотнул слюну и произнес:

— Нет. Не доволен.

— Почему?

— Я хочу еще.

И тут до Колина дошло, что идея была не такой уж хорошей.

«Блядь, что я наделал опять», — мелькнула мысль, посещавшая его слишком часто в течение жизни. «Я не идиот, просто иногда перестаю думать», — признался он в одном из интервью и сказал чистую правду.

Осторожно осмотревшись, он с облегчением понял, что в этой гостиной кроме них никого нет: все переместились на террасу, поближе к бассейну, подальше от леволиберальных лозунгов. А если кто-нибудь что-то и заметил, то вряд ли сотрудники водопроводной компании, составлявшие большинство приглашенных, имели связи с прессой.

Его разум заметался в поисках выхода из ситуации, в которую он сам себя торжественно отправил, — как это по-ирландски! И выход уже почти нашелся, когда Эзра поцеловал его в ответ. Он дал Колину целых тридцать секунд, во время которых и нужно было бежать или хотя бы отодвинуться, а не лихорадочно соображать, как его не обидеть, и пожирать его наверняка очень жалобным взглядом.

Бежать все равно было уже поздно. Эзра целовался куда деликатнее, он как будто подступался к чересчур холодному мороженому, ждал, когда оно растает. И оно таки растаяло. Вроде бы только что Колин лишь стоически терпел вторжение в свое личное пространство, и вдруг раз! — из него словно вытащили позвоночник, и он превратился в медузу, в густое сладкое желе, и в голове образовалась приятная пустота. Рука Эзры легла ему на живот так, как будто ей там было место, словно ласковый зверек. Тело есть

тело, тепло есть тепло.

Уже много позже, оказавшись дома, Колин наконец сообразил, что попался, как дурак. Эзра, несомненно, был очень умелым и опытным любовником, уж Колин-то в этом разбирался, просто ему редко случалось бывать в роли соблазняемого. Дамам совершенно не приходилось стараться, чтобы уложить его в постель, а мужчины задавали прямой вопрос и — обычно — получали еще более прямой отказ. Насколько он помнил.

Только этим он и мог оправдаться. Так или иначе, если б дело происходило в более интимной обстановке, Колин понятия не имел, чем оно закончилось бы.

Еще во время того нелепого спора Колин задумывался о том, что сказал бы Эзра, если бы узнал о некоторых фактах его биографии. О том, например, что однажды он всерьез рассматривал возможность зашибить по-быстрому денег, снявшись в порнофильме, причем у него был выбор: в гетеро или в гомо, в последнем — в пассивной роли, для которой не требовалась эрекция. В гомосексуальном порно гонорар был в два раза больше. Того, что платили в театре, едва хватало на пристойный алкоголь, а на коммунальные счета уже чуть-чуть не доставало, и он знал, что многие его коллеги мотаются в Европу на подобные заработки. Его спас, конечно, не здравый смысл, а элементарная лень. Затем в театре появился Кевин Спейси, и опять-таки Эзре не стоило знать, что за этим последовало. Однако же слухи ходили, и не исключено, что кое-какие дошли и до Эзры.

— Ну что там у тебя?

Джил сегодня была не в духе: их здорово обскакал в посещаемости конкурирующий сайт, сообщивший о страшной сцене ревности, которую Кит Урбан закатил Николь Кидман в ресторане, прости господи, китайской кухни. Кстати пришились им и кадры с Каннского фестиваля, где Кит хватал жену за руки и тащил, как скво в вигвам.

— Кажется, я все-таки кое-что раскопал про Фаррелла с Миллером, — протянул Джек, грызя карандаш. — Один парень из Санта-Моники чинил мне кран, так вот, он однажды видел...

— Пфф! — Джил сдула прядь волос с лица. — Знаешь что, бросай-ка ты свое расследование, Филлип Марлоу, и переключайся на мистера Кидмана.

— Ну уж нет, — злорадно ответил Джек. — Зачем питаться чужими объедками? И напомню, что расследование, как ты выразилась, было целиком и полностью твоей идеей.

— «Целиком и полностью»! — воскликнула Джил. — Что за страсть у тебя употреблять лишние слова? Смотри, посажу вести наш Твиттер, это тебя отучит от плохого.

— Говорят, редакторами становятся несостоявшиеся писатели, — сказал Джек как бы в сторону. — И оттого они такие злые.

Фестиваля Комик-Кон в Сан-Диего, который значился в программе промотура «Фантастических тварей», Колин ждал с некоторой опаской, но к концу его испытывал то ли облегчение, то ли разочарование, так сразу не поймешь. Эзра был везде и нигде одновременно; похоже, он недавно сменил антидепрессант. Все работали — он развлекался: хохотал с Элисон, дразнил Кэтрин, ластился к Эдди, и да, охотно

позировал с Колином. Но стоило камере отъехать — и он исчезал.

Вся атмосфера тура, рекламировавшего волшебную сказку, представляла собой гротескный контраст недавним съемкам у Йоргоса Лантимоса. Колин ощущал себя чужим на этом празднике, чужим и неуместным. По утрам он разглядывал в зеркале свои морщины. Как же быстро летит время! Как мало человеку отпущено... Вот Эзра и спешит жить — и правильно делает. Пытается до всего дотянуться, все попробовать. Колин не станет его за это осуждать.

Он вновь опекал Эзру, правда, с чуть меньшим панибратством, и тот уже совсем не противился. И все же Колин не мог не сравнивать его с Барри, с которым снимался у Йоргоса: тоже еще совсем юный, тоже из племени странных детей, но куда проще. Сердце Барри было завоевано вмиг, и Колина очень грел его по-собачьи преданный взгляд. В кабинете у психотерапевта Колин однажды увидел плакат с нарисованным на нем солнцем, сверху желтым, а внизу черным, и слоганом под ним: «Забота — обратная сторона контроля». Да-да, именно так. Однако же становилось очевидно, что Эзру контролировать нельзя.

Потом ночью в отеле всех разбудил запах гари. Выйдя в коридор, Колин увидел там Элисон в мохнатом белом халате, Кэтрин, решительную и озабоченную, похожую на добермана даже больше обычного, и Дэна, который уже припер коридорного к стенке. Тот юлил и клялся, что беспокоиться не о чем, что опасности никакой нет, — и не понимал, отчего вдруг все стали смеяться. А Колин тем временем сообразил, что в коридоре нет Эдди и Эзры. Если первый вполне мог дрыхнуть без задних ног, даже когда весь отель охватило бы пламя, то уж Эзра-то должен был первый прибежать, чтобы оказаться в центре событий. Шестеренки в голове у Колина крутились и щелкали. Об Эдди тоже ходили кое-какие сплетни, а Эзра ведь любит их проверять, и с этим новым антидепрессантом на него просто управы нет.

«Господи, ну какое мне дело до того, чем он занят, я и правда смешон, — одернул себя Колин и тут же подумал: — А еще Эдди на шесть лет моложе меня».

Эзра обнаружился довольно скоро — у Колина в номере. В точно таком же халате, как у Элисон, в котором он был похож на снеговика с вороньим гнездом на голове, заспанный и сравнительно тихий, он вытягивал шею и принюхивался.

— Я думал, это у тебя горит, — сказал он в ответ на междометие, которым поприветствовал его Колин. — Ты же куришь в постели, ты сам говорил.

— Не в отеле же, — произнес Колин, глядя, как Эзра приближается к нему.

На нем самом была огромная футболка и широченные трусы — его обычный спальный комплект, лучшее средство от бессонницы. Эзра задрал футболку с таким видом, как будто выполнял рутинную работу, и принялся поглаживать его бока и живот: тщательно и с удовольствием.

— Мы с Элисон вчера попали на распродажу в один винтажный магазинчик и отвернули себе по халату, — говорил он при этом. — У нее сливочный, я взял себе этот, с карамельным оттенком.

— А я думал, они оба белые, — сказал Колин.

Ему было щекотно, не только на коже, но и везде, как от шампанского, и он пообещал себе, что обязательно включит мозг через три минуты. Через пять.

— Ну, при этом свете — конечно. — Руки Эзры потянулись выше, большие пальцы легли на соски. Согнулись. Разогнулись. — Тебе это нравится? Мне продолжать?

Сказать «нет» было бы очень легко; Эзра повернется и уйдет, ничуть не обидевшись. Он взрослый человек и прекрасно знает, что делает. «Да у меня же просто не встанет!» — осенило Колина, и он ухватился за эту спасительную мысль. Пусть сам он дурак, но тело

его не подведет. Оно покажет свое отношение к этим безответственным экспериментам. Колин кивнул, не надеясь на свой голос, а Эзра тут же опустился на колени и потянул вниз его трусы. Он не собирался оставлять его телу ни единого шанса.

«Ах ты ж в еб твою мать», — подумал Колин и закрыл глаза. Потом схватился за спинку стула, к счастью, оказавшегося рядом. Потом отпустил ее, чтобы зарыться в волосы Эзры, ерошить их и комкать. Потом сцепил ладони в замок у него на затылке и наподдал задом, уже не зная, где он и что он. Эзра меж тем ласкал его промежность, разгулялся там вовсю. И когда Колин кончал, мышцы его ануса сжались на указательном пальце Эзры. Некоторые девушки тоже так делали. Он никогда не возражал.

Поднявшись, Эзра утерся широким жестом, не жалея нового халата, а Колин спросил себя: «Он проглотил? Неужели проглотил?» Ему пока не было стыдно.

— Похоже, пожар потушен, так что спокойной ночи, — двусмысленно выразился Эзра, направляясь к двери с безмятежным лицом. Напоследок он добавил с видом человека, пытающегося быть вежливым: — У тебя красивый член.

Вместо стыда пришла почему-то обида. Колин ей удивлялся, но она была такой вкусной, что он отдался ей в полную власть. Ну да, его использовали. В очередной раз. Как он использовал женщин, забывая их имена и лица на следующий же день; видимо, это карма. Ладно, пусть Эзра поставит галочку в своем блокнотике, ради бога, только вот Колин от него такого не ожидал.

На следующий день Колин дулся так заметно, что Кэтрин подошла к нему и спросила громким шепотом: «Что между вами произошло?» Он вытаращился на нее, и только потом сообразил, что она подозревает обычную ссору.

Так продолжалось до самого фотоколла, к которому их с Эдди и Эзрой гримировали в одной комнате. В открытую дверь доносились крики менеджера, обвинявшего в пьянстве девушку из обслуги. Она упала прямо в зале пару часов назад. Эдди явно воспринимал эти звуки как фоновый шум; Колин размышлял о том, что чем раньше пьющий человек столкнется с последствиями своей зависимости, тем лучше для него, а Эзра ерзал и хмурился.

— Странно, — наконец сказал он.

— Что странно? — спросил Эдди.

— По-моему, она мусульманка.

— Это которая мне кофе на колени пролила? — уточнил Эдди. — Выглядит она не очень. А с чего ты взял, что она мусульманка?

— Ну, видимо, с того, что ее зовут Аиша. Хотя, конечно, это еще ни о чем не говорит...

— Твоя знакомая?

— Ну, теперь да, — начал раздражаться Эзра. — После того, как я утром спросил, как ее зовут, наверное, она стала моей знакомой.

— Ты спросил, как ее зовут? — искренне изумился Эдди.

Эзра смерил его пронизывающим взглядом и, не выдержав, ринулся в коридор. Там он развил такую бурную деятельность, что вскоре все встало на свои места.

Девушка страдала не алкоголизмом, а диабетом, что скрыла, устраиваясь на работу, поскольку страховка стоила бы слишком дорого для нанимателя. От нее несло не перегаром, а ацетоном, ее начальник же, похоже, судил по себе. Не вмешайся Эзра, дело могло бы закончиться плохо, а после того, как подключился Колин, в фирме-устроителе клятвенно пообещали оплатить ей лечение и сохранить за ней рабочее место. Колин, в свою очередь, пообещал, что лично за всем проследит.

После этого между ним и Эзрой восстановился мир, точнее, после того, как Эзра сообщил ему с глазу на глаз все, что думает об Эдди, а Колин резюмировал его речь старинной

ирландской поговоркой: «Ебанные бритты». Они еще повозмущались, еще посмеялись и расстались весьма тепло. Колин пришел к выводу, что Эзра, черт возьми, хороший парень с добрым сердцем, каких хрен найдешь в этом ебучем бизнесе, а все остальное нужно просто забыть.

К каким выводам пришел Эзра Миллер, для него осталось неизвестным.

— Это что такое, Джек? — Джил оторвалась от финансового отчета с круглыми, как у кошки, глазами. — Что это за расходы на бензин? Куда ты ездил?

— В Сан-Диего, — промурлыкал Джек, усмехаясь сам себе и продолжая стучать по клавиатуре.

— В Сан-Диего? На выходных? Ты решил искупаться за счет фирмы?

— В Сан-Диего живет один парень, который работает коридорным в отеле...

— Стоп, не продолжай, — помотала головой Джил. — И я тоже больше ничего тебе на эту тему не скажу. Но если ты через месяц не положишь мне на стол ту самую историю, я вычту эти деньги из твоего жалования, еще и оштрафую, и поставлю работать в ночные смены, и вместо ямайского кофе буду закупать в офис «Нескафе».

Джек не удостоил ее ответом, по-прежнему улыбаясь своим мыслям.

Эзра позвонил как раз в тот момент, когда Колин думал о нем. Это совпадение кельтская натура Колина могла бы счесть мистическим, если бы он не думал об Эзре довольно часто в последнее время. И в предпоследнее тоже. Сейчас он размышлял о том, какой все-таки Эзра хороший актер, как он еще подростком умел делать то, к чему Колин пришел через годы театральной казармы, через ошибки и неудачи.

Мысли эти повергли его в столь светлую грусть, что он машинально принял вызов с незнакомого номера, хотя обычно старался этого не делать.

— Блядь! — заорала трубка. — Сука блядь... Ой, извини. Колин? Колин? Я не тебе. Это Эзра... Нет, это какой-то пиздец. В смысле, тут творится пиздец, я заблудился в блядских ебнях в этой вашей деревне, разбил тачку из проката, чуть, сука, ебанный в рот, не свалился на ней с обрыва... Аааа... ах! Нет, таки не свалился. И никто, блядь, не берет трубку, я бы не стал тебя беспокоить, но я уже жму на все кнопки, я думал, тут сотовая связь не ловит. Как, блядь, можно жить в этом городе?

Колина едва не смело этим потоком, и он даже не задал себе вопрос, откуда Эзра узнал его телефон. Он поверил и ринулся на помощь.

Потом карты легли так, что нельзя было не пригласить его к себе, чтобы он мог с комфортом дожидаться полуночного рейса. Еще чуть позже Колин осознал, что сидит на собственной кушетке, выдавшей больше, чем иной диван в порностудии, и смотрит на Эзру, сохнувшего после душа в колиновой же футболке и собственных предельно обтягивающих плавках. При этом Колин гадал, будет ли у них секс. И какой. И зачем. И почему бы нет.

Эзра смотрел телевизор.

Смотрел и смотрел, с комментариями, с жестикуляцией, с этими его притоптываниями и подрагиваниями, от которых Колин уже успел отвыкнуть. Они завораживали до транса, и Колин лишь изредка вставлял реплики да ходил к холодильнику за напитками, пока Эзра не стал собираться.

Он стремительно оделся, лишь у двери завозился с рюкзаком, у которого отлетел карабин на лямке. «Да блин, кому я нужен, по-хорошему-то», — думал меж тем Колин. Вспоминал ту девицу в супермаркете, которая шарахнулась от него недавно, когда он ей улыбнулся. Вспомнил, как в давеча в эскорт-службе ему торжественно предложили скидку как постоянному клиенту. Женщины уже не обмирают и не ахают, стоит ему войти в помещение, по крайней мере, не так громко, как раньше. Его жизнь, его шансы, его возможности тают, как шагреновая кожа, и этот мальчик... этот мальчик...

Этот мальчик едва ли не на голову возвышался над ним, положив ему руки на плечи.

Взгляд у него был лукавый, а улыбка даже несколько ехидная.

— Прости. Я тебя совсем достал. Я уже ухожу.

— Нет, не достал, все в порядке.

— Я тебя напрягаю. Ты такой одиночка.

— Не напрягаешь, Эзра, и вовсе я не...

— Тогда почему не целуешь меня?

— Ох! — вырвалось у Колина, он возвел глаза к потолку. — Это что тебе, игра?

— А если и да? — Объятие из дружеского становилось все эротичнее. — Почему бы не поиграть? Мне показалось, тебе нравится.

— Да, но...

— Ну что «но»? Я так хотел тебя увидеть. — Руки его стали уже знакомым и крайне коварным способом поглаживать Колина под футболкой, теперь прихватывая и задницу.

— Я смотрел твои фильмы.

— Я твои тоже, — вскинулся Колин. — Особенно...

Эзра не дал ему поделиться впечатлениями.

— И все равно не целуешь меня?

— Ох, — опять сказал Колин и все-таки его поцеловал.

И Эзра ответил со столь ошеломляющей покорностью, с такой готовностью капитулировал, что это не на шутку возбудило Колина. Он толкнул Эзру назад, прижал к двери и взялся за него по-взрослому. По-мужски.

Дверь подрагивала, сотрясаясь, пока они яростно целовались на ней, сплетались телами, впивались друг в друга. «Вот зачем он оделся? — думал Колин, со злостью дергая за пояс его джинсов. — Самолет... На хуй самолет... Кажется... кажется, я сделаю все, что он захочет».

Он разорвали объятия, чтобы отдышаться, и Эзра стал удивительно нежным. Он пригладил волосы Колина, чмокнул его в нос.

— Как жаль, что мне уже пора, — прошептал он.

Колин был совершенно уверен: это лишь формальная фраза, повод предложить ему остаться, на что он обязательно согласится.

— Полетишь завтра.

— Нет, у меня завтра с утра пробы в Нью-Йорке. Господи, как же жаль... — Он чмокнул Колина в нос еще раз.

Колину сначала показалось, что он ослышался. «Так какого хрена ты тогда начинал все это?» — чуть не завопил он, но потом вспомнил: «Почему бы не поиграть?» Теперь ему, наверное, весело.

Колин отступил на шаг и как можно равнодушнее произнес:

— Окей. Звони. Заходи.

Что-то, наверное, промелькнуло в его тоне, потому что у Эзры на секунду сделался виноватый вид. Все-таки у него доброе сердце, разве нет?

— Слушай, я правда, возможно, скоро вернусь, намечаются пробы и в Голливуде. Так

вот, ты... Если я позвоню... — Он осекся, прикусив губу, а Колин мысленно закончил фразу: «...тыпустишь меня в дом еще раз после этих фокусов?»

— Буду рад тебя видеть, если, конечно, окажусь на месте.

И снова он, видимо, не справился со своим голосом, а также лицом, не способный показать высокий класс актерской игры сейчас, когда яйца прямо-таки звенели от напряжения. Эзра совсем приуныл, а затем встрепенулся:

— Ты только не воспринимай всерьез...

— Что? — холодно спросил его Колин.

— Меня. Меня не воспринимай.

— И не думал.

Когда за ним таки закрылась дверь, Колин шумно вздохнул и принялся набирать номер эскорт-службы. Пора, однако, завязывать с гейским сексом, природа явно создала его для другого. Нет смысла менять лигу на старости лет, удовольствия это не доставит. Особенно если ты не знаешь правил игры.

Естественно, Эзра не объявился ни в ближайшее время, ни позже: перед ним открылось столько дорог, и каждую он должен был хотя бы разведать.

Зато он прислал имейл, уверенно прошедший через все фильтры, с чем-то подозрительно похожим на извинения. Колина вначале это задело — неужели он выглядел так жалко, что Эзра счел нужным извиниться за свое мелкое хулиганство? Но потом он вчитался в эти несколько строк и ощутил, как поддается их очарованию. Эзра черкнул пару слов о том, как встречал рассвет на Гавайях, о том, какого цвета здесь океан, о том, как печально кричат здесь чайки.

Колин ответил, увы, не столь красноречиво, и так между ними завязалась переписка. Сказал бы ему кто об этом раньше — он бы не поверил.

В письмах Эзры, не очень длинных, не то чтобы крайне содержательных, всегда находилось такое, на что Колин считал нужным ответить, что ему вспоминалось внезапно, среди суеты, что заставляло улыбнуться, а порой вызывало лютую зависть. Зависть к молодости, еще не изношенному телу, отсутствию обязательств, — и к тому, что Эзра распоряжался этим куда умнее, чем он сам в свое время. За такие чувства потом становилось стыдно. Колин старался расплатиться за них честностью, а Эзра от него не отставал.

«Я думал, ты сильнее, — писал он. — Я не знал, что ты так уязвим; смотрел на тебя снизу вверх, хотелось сбить с тебя корону. Я, наверное, слишком избалован: мне никто никогда ни в чем не отказывал».

«Мне нужно, чтобы меня обожали, я помешан на этом, — признавался Колин. — Я таким был в 15, буду и в 70. Вечно мне мало любви, хоть забрасывай ее лопатами: дна-то нет. А сам я любить не способен, в этом, пожалуй, все и дело».

«Нет, я думаю, это не так, — возражал Эзра. — Просто у тебя чересчур высокие стандарты — для себя, не для других. То, что другие назовут любовью, за что будут требовать от партнера преданности, времени, денег, души, — в себе ты это видишь насквозь и называешь тем, что оно есть: жаждой обладания. Ты — один из самых чистых людей, мне известных, не потому, что ты ангел, а потому, что остальные еще хуже».

Колина мало-помалу стала одолевать тоска. Почему единственный человек в этом мире, который способен его понять, встретился ему так поздно? Да лучше бы они вообще не встречались, потому что никогда не смогут стать даже друзьями, не говоря уже о чем-то

большем. Вспомнился фильм «Дом на краю света», где герои стали жить довольно странной, но вполне счастливой семьей. К сожалению, подобное возможно только на экране; даже в книге, по которой сняли это кино, финал был совсем другим. Наступил такой момент, когда он не мог улыбаться уже и на камеры, к беспокойству Клодин. Психотерапевт когда-то советовал ему немедленно бросать, хотя бы на время, то занятие, которое вгоняет в депрессию, каким бы важным оно не казалось. Дать себе перерыв, а потом заново оценить ситуацию.

И, как обычно, Колин этому совету не последовал. Он писал и ждал писем, хотя это превращалось в навязчивую привычку. Дошло до того, что на церемонии «Золотого Глобуса» он поминутно проверял телефон. Ему было так тошно, как давно уже не приходилось: кругом текут реки дорогого алкоголя, а он сидит тут, неудачник, который точно уйдет без премии, посмотрите-ка на него, ха-ха-ха.

— Почему вы считаете, что вам кто-то нужен, чтобы наслаждаться жизнью? — спрашивала его терапевт.

— А разве не все так считают?

— Нет.

— А как же дети?

— Детям необходимо чувство опоры, пока они не повзрослеют.

— Значит, я еще не вырос. Но вообще-то имел в виду другое. Люди заводят детей, потому что те им нужны, а без них чувствуют себя несчастными.

— Не самая хорошая причина для того, чтобы заводить детей. А лучшее, что мы можем сделать для них, — научить их целостности.

— Как же я научу их тому, чего сам не знаю?

— То-то и оно, Колин, то-то и оно.

Пока он разговаривал с ней, рука его поглаживала телефон в кармане брюк. В какой-то момент он поймал ее взгляд и испугался, не вообразит ли она, что он тербит свой член во время сеанса. Впрочем, если бы она так решила, то ошиблась бы не сильно.

Они с Эзрой договорились встретиться после Синемакона, и, само собой, вести себя так, как положено уважающим друг друга людям. То есть поужинать вместе — двое коллег, которым есть что обсудить касательно своей профессии, два взрослых человека, которые больше не играют в игры, такие цельные, что некуда гвоздь воткнуть.

Правда, точного времени не назначили, поскольку еще не знали собственного расписания, да и невозможно его соблюдать на подобных мероприятиях. Атмосфера здесь царила еще более безумная, чем на Комик-Коне, распорядители сбивались с ног, но, к счастью, никто не падал в обморок, а посетители держались в рамках относительной вменяемости.

В задачу Колина входил промоушен его новых фильмов, а перед «Уорнер Бразерс» его обязательства закончились, но, естественно, ему задавали вопросы о мистере Грейвзе. Исчерпав весь запас уклончивых ответов, он сказал Джошу Горовицу: «Спросите лучше Эзру. Где Эзра? Где он?» И хотя это был вполне логичный и техничный перевод стрелок на того, кто задействован в проекте «Фантастических тварей», прозвучал он как крик души.

Вокруг Эзры камеры вспыхивали так, будто там занялся пожар, а теперь он стоял, прислонившись к Бену Аффлеку. Колин Аффлека недолюбливал, считал смертельно скучным и не испытывал ни малейшей солидарности, как следовало бы бывшему

алкоголику к тому, кто пытается завязать. Не хотелось с ним пересекаться, и, когда выдалась свободная минутка, Колин не стал проталкиваться к Эзре, ожидая, что тот найдет его сам.

Но Эзра работал — как всегда, с огоньком, и даже не пытался искать никого взглядом. Телефон молчал, и Колин, перекуривая с охранником на заднем дворе, решил, что не станет набирать его номер. В конце концов, может быть, им и правда лучше не видеться. Как бы они не притворялись взрослыми людьми, между ними всегда будет секс, как обоюдоострый меч между рыцарем и дамой. Кто вообще придумал, что секс сближает? Все как раз наоборот.

Колин не собирался оставаться на афтепати, его туда не загнали бы и палками, и он уже полез за телефоном, чтобы набрать Эзре прощальное смс, но тут же засунул его в карман. Глупо писать тому, кто находится в десятке метров от тебя. Если он заглянет в зал, с него не убудет.

Но когда Колин увидел, как Эзра с коктейлем в руке снова вьется возле Аффлека, его пронзила такая откровенная и жгучая ревность, что аж потемнело в глазах. Нет, он не думал, что Эзра решил проверить древние слухи об Аффлеке и Деймоне, не настолько же он наивен. Нет, он не хотел, чтобы Эзра более тщательно проверил слухи, ходившие о нем самом. «Жажда обладания», да-да, именно так. Эзра должен был принадлежать ему, потому что Колин в нем нуждался.

Колин растравливал рану, наблюдая за ними из-за огромной декорации, как индеец в засаде. Он читал язык тела Эзры, он видел его насквозь. Чуть опущенная голова, взгляд исподлобья — поза покорности; губы сжимаются и разжимаются вокруг коктейльной соломинки. Черт, да парень использует гомоэротику на полную катушку. Мало ли кто в нем нуждается, а что нужно самому Эзре? Экранизация комиксов ДС — его главный проект, даже более важный, чем «Фантастические твари», у него там намечается собственный фильм. И у него наверняка был собственный Кевин Спейси среди продюсеров «Уорнер Бразерс», это и к гадалке не ходи, а что мог предложить ему Колин? Ничего, кроме своего вечного морального банкротства. И своей задницы, если уж на то пошло, но она, похоже, Эзру не очень-то и прельщала.

На другой день пришло письмо, которое Колин не стал открывать, как и два следующих. Психотерапевт оказалась права — бросив это занятие, он почувствовал себя намного лучше.

У Джил была довольно неприятная привычка заглядывать Джеку в монитор через плечо. Не то чтобы она беспокоилась о том, что он висит в Фейсбуке или засаживает поля виртуальной фермы, просто не могла удержать свое любопытство.

То, что она сейчас увидела на экране, ее несказанно обрадовало, хотя она не сумела прочесть ни строчки: Джек набирал текст на французском языке.

— О, ты все же списался с кем-то в Каннах? Люблю, когда ты такой умница, — проворковала она.

— Да, — рассеянно ответил Джек и быстро открыл совершенно ненужную панельку, чтобы спрятать имена, упоминаемые в тексте. — Только знаешь, французы — самая жадная на свете нация. Боюсь, мне не хватит бюджета, когда этот источник все-таки решится рассказать, что знает.

— О, да я тебе командировку во Францию выпишу, раз ты у нас теперь пай-мальчик, — расщедрилась Джил. — И насколько там все горячо и вонюче? Отелло душил

Дездемону? Николь голышом убежала от мужа по коридору?

— Обнаженка присутствует, но... Видишь ли, могут быть даже фотографии. И, возможно, за ними не придется ехать так далеко.

Джил на миг сперло дыхание от радости.

— Куплю новую кофе-машину. Отдам тебе свое место на парковке. Что еще? Заказать стриптизершу в офис?

— Пожалуйста, просто не мешай мне работать, — с пафосом проговорил Джек, щелкая по кнопке «Отправить».

Весна оставалась весной даже в Лос-Анджелесе, даже в бешеном ритме съемок, в хлопотах со стремительно взрослеющими сыновьями. То, что работало раньше, уже не помогало: вчера еще хватало сказки на ночь, а сегодня требовались советы, как справиться с первой влюбленностью. Прошлое словно смывали ручьи талой воды, и свежая зелень кленов в Чикаго, и аромат французской сирени, и заразительный смех Эль Фаннинг, и удивительная улыбка Софии, ее мудрые глаза спаниеля — так выглядела новая реальность, реальность без Эзры Миллера.

Здесь, в Каннах, снова был Барри, благодарный и безопасный, чудесная игрушка, доставлявшая столько радости и ни малейших огорчений. Была ослепительная Николь и ее ядовитый юмор, ее забавный муж, вечно путающийся под ногами, и отличный прием у критиков. Здесь даже нашелся «Старбакс».

Кофе он влил в себя поряточно, сражаясь с джет-лагом, и когда на экране телефона высветился номер Эзры, Колин как раз считал овец на зеленом ирландском лугу. Настроение у него было самое благодное, и он великодушно нажал на иконку с зеленой кнопкой.

— Здравствуй, Эзра, — сказал он, прижимая телефон к уху, как плюшевого мишку.

— Колин... да, привет. Я не вовремя, конечно.

— Отнюдь, — с той же вальяжностью ответил Колин, но что-то в голосе Эзры заставило его насторожиться.

Голос был надломанный, глухой, не скрипел несмазанной дверью, не оглушал децибелами. Эзра запинался, путался в словах, что тоже было для него не характерно.

— Что-то случилось? — перебил его невнятицу Колин, немедленно включая режим насадки.

— Нет, нет... Все в порядке. Все отлично. Я в Лондоне, и знаешь... В общем, мы с друзьями на выходных решили слетать в Ниццу, и я подумал... Хотя нет. Забудь. Извини. Я только хотел тебя поздравить с...

— Погоди. Что я должен забыть? Эзра, что все-таки происходит?

«Наркотики? — стремительно мелькало в голове у Колина. — Он подсел и хочет посоветоваться, как соскочить? Проблемы в студии? Кто-то о нем что-то раскопал? Зачем я мог ему понадобиться?»

— Ах, да ничего, правда. Я буду завтра в Ницце, и, если ты не против, мы могли бы пересечься с тобой, — скороговоркой выпалил он.

«Ладно, завтра все и расскажет, — успокоил себя Колин. — Наверное, неудобно по телефону. Но ведь он будет с компанией».

— А с кем ты летишь? — Колин предположил, что уже начались съемки вторых «Фантастических тварей». — С Элисон? С кем-то из съемочной группы?

— Э-э... нет. Слушай, если честно... Ни с кем. Я приеду один. К тебе. К тебе я хочу

приехать, Колин. Понимаешь?

Колин наконец понял.

Он шумно выдохнул и ничего не ответил. Эзра тоже молчал. Пауза все тянулась и тянулась, пока на потолке медленно плыли полосы света от фар проезжающих машин. Море шумело совсем рядом.

— Ладно, — сказал Эзра. — Извини. Пока, удачи.

— Стой, — скомандовал Колин голосом ледяным, как айсберг, потопивший «Титаник». — Какой отель?

— «Антарес», — почти прошептал Эзра.

— Значит, завтра, «Антарес», в полдень. А теперь я попробую уснуть с твоего позволения.

Нажав на отбой, он еще какое-то время смотрел в потолок, неподвижный, с застывшим лицом, а затем губы его стали медленно расползаться в торжествующей ухмылке.

Нельзя сказать, что Колин не узнал Эзру, когда вошел в номер: разумеется, это был он, с его точеным профилем, неукротимыми кудрями, ногами от ушей, резким голосом, резким запахом. И все же Колин снял темные очки, чтобы разглядеть его получше.

Тот причесывался перед зеркалом, поздравившись кивком, в черных брюках в обтяжку, в черной же футболке с рок-н-рольным принтом. Не самый подходящий наряд для юга Франции, но невероятно изысканный для Эзры. Он больше не напоминал Колину ирландского цыгана или инопланетянина, пытающегося одеваться по-человечески, а был похож на рисунок тушью на белой бумаге. Один такой стоял у Клодин на столике в бамбуковой рамочке — изломанная ветром сосна на утесе.

— Тут рядом есть «Старбакс», — растягивая слова, говорил Эзра, не отводя глаз от своего отражения. — Или можно решиться на французскую кухню. Или...

Колин подошел к нему, выдернул расческу из его рук, бросил ее на столик. Взял его лицо в ладони. Эзра сглотнул, втянул носом воздух, ресницы на полуприкрытых веках дрожали.

— Тебе не обязательно... — начал он.

— Обязательно, — перебил его Колин и накрыл его рот своим.

Поцелуй не длился долго; Эзра уткнулся ему носом в плечо, обхватил руками, одну ногу зажал между своими коленками. Колин гладил его по спине, все с той же сытой улыбкой глядя в окно.

Нет, ничего не изменилось: он не постарел, не растратил свою магию, она работает как надо, и этот мальчик... это редкое, экзотическое существо, эта хищная орхидея, эта золотая бабочка тоже войдет в его коллекцию, как все остальные, покорится его чарам, отдаст ему свой аромат, свою любовь.

Эзра теперь держался крайне робко, не желая спугнуть Колина, и тому пришлось раздевать его, бормоча всякие нежные глупости. Это отлично помогало с женщинами, не подвело и здесь. Эзра даже улыбнулся, хихикнул, подставляя шею, выгибаясь, чтобы прижаться теснее, ужасно милый в этот момент. Такой он стал хрупкий и беззащитный, что Колин церемонился с ним, как с девственницей, пока не расстегнул его брюки.

Оттуда на него выпрыгнула настоящая анаконда. Колин даже на миг застыл, не веря своим глазам. Сюда он ехал с весьма храбрым настроением, но сейчас ощутил, как эта его дерзость съезживается в комок, увядает, а вслед за ней и его собственный член. Он был не уверен, что э т о толком поместится ему в рот, а тем более... Нет, похоже,

намеченную программу придется существенно сократить.

И конечно, Эзра вмиг почувствовал перемену в его настроении.

— Я знал, что так будет. — Он судорожным движением попытался натянуть штаны обратно, но они намертво прилипли к ляжкам. — Это не твое, ты никогда меня не захочешь.

Если бы он специально выбирал, за какие ниточки дернуть, он не мог бы угадать вернее: Колин был просто не в состоянии смотреть на его отчаяние.

— Тише, тише, — сказал он, обнимая Эзру. — Ты же знаешь, что это неправда.

— Но так и есть. На что я надеялся?

— Эх, дети, не бережете себя. Свое сердце. Знаешь что: давай просто повалеемся на кровати. Ты мне расскажешь, что делаешь в Лондоне, чем занимался в Нью-Йорке.

Тольконими эти дурацкие штаны, я только смотрю на них, и мне уже дышать нечем.

Раз Эзра был почти голый, ему тоже пришлось раздеться; трусы он, правда, оставил — не из соображений целомудрия, а для того, чтобы не демонстрировать Эзру, насколько он прав.

Разговор не клеился, но это и не имело значения. Обнимать Эзру, гладить его голову, лежащую у него на плече, Колину было приятно. Как и ощущать себя сильным и добрым. Щедрым. Контролирующим ситуацию. Необходимым.

Тело есть тело, а тепло есть тепло. Как-то сами собой пришли воспоминания о белом пушистом халате, который был на самом деле карамельным, о тех чудесах, которые Эзра творил своим ртом, стоя в этом халате перед ним на коленях. Член Колина заметно оживился от этого приступа ностальгии и уперся Эзру в бедро. Колин взял его руку и положил сверху.

Эзра принялся поглаживать его плоской ладонью, а пальцы стали прокладывать путь ниже. Колин согнул ногу и отставил в сторону, пропуская их. Они оба молчали, только сопели все громче.

— Как ты хочешь? — наконец прошептал Эзра.

Колин объяснил.

А через минуту он уже лежал на спине, распахнув невидящие глаза, со свистом втягивая воздух сквозь сжатые зубы. Оказалось, что тогда, в отеле, Эзра даже не брался за него всерьез. Сейчас он работал ртом так яростно, словно от этого зависела его жизнь, как не способна ни одна женщина — ей просто не хватит силы шейных мышц. Как будто этого было мало, он то и дело соскальзывал ниже, вылизывая всю промежность, и Колин сам не заметил, как подтянул колени к груди, чтобы полностью раскрыться перед ним. Он хотел, чтобы Эзра был везде, и тот был, и когда его язык протолкнулся внутрь, Колину пришлось укунить себя за руку, чтобы не застонать на весь отель.

За языком последовал очень ловкий палец, а рот вернулся к члену, и дальше началось такое, с чем могла сравниться разве что хорошая доза героина. Вскоре пальцев стало два, а может, и больше, Колин не соображал, он знал только, что у него взмокла поясница, из члена обильно течет смазка, а в паху разливается лужа огненной лавы.

А потом его как будто прошила молния от копчика чуть ли не до горла; он увидел над собой растерянное, даже испуганное лицо Эзры и понял, что тот вошел в него.

Ухитрился засунуть в него свой огромный член.

— Твою мать, — прошипел Колин, и Эзра тут же шарахнулся назад.

— Прости. Я не буду. Прости, пожалуйста, я не буду, правда, нет, — все ускоряясь, твердил он, глядя, как Колин приподнимается к нему с искаженным лицом, с бешено сверкающими глазами.

— Нет, ты будешь. — Он схватил Эзру за волосы и дернул на себя так, что тот охнул. —

Ты, блядь, будешь еще как. Закончишь то, что начал. Ну что ты смотришь, как потерпевший? Трахни меня, слышишь? Трахни меня.

Эзра несколько секунд таращился на него, словно осознавая сказанное, потом облизнул губы и уже очень спокойным, даже деловитым тоном произнес:

— Тогда тебе лучше перевернуться. Будет не так... э-э... Проще будет, вот.

Колин послушно встал на четвереньки, и у него сердце ухнуло в пятки от того, каким жутко доступным делала его эта поза. В ней самой, в том, что он не видел партнера и должен был полностью доверять ему, было что-то от БДСМ. А уж в том, чтобы принять в себя здоровенный елдак, несмотря на предельную деликатность и мастерство его обладателя, пожалуй, ничего кроме мазохизма и не было.

«Ну да, порассуждай тут о гейском сексе, стоя раком, сраный дилетант», — подумал Колин, и это была его последняя связная мысль на ближайшие четверть часа. И вот это оказалось самым восхитительным — блаженная пустота в голове и тело, разрываемое ощущениями. В какой-то момент Эзра остановился, согнулся ниже, не вынимая члена, и принялся ему дрочить — так же ловко и умело, как и все, что делал раньше. Твердая, как сталь, раскаленная плоть, распирающая Колина изнутри, уверенные руки и легкие поцелуи вдоль позвоночника — все это сработало так, как не ожидал, наверное, даже Эзра. Колин ахнул и зарылся лицом в подушку, заглушая свой крик. Ему казалось, что несколько секунд он и вовсе был без сознания, и пришел в себя как раз для того, чтобы почувствовать, как горячие капли падают ему на спину.

Колин со стоном вытянулся на кровати, не отрывая лица от подушки. Эзра тихо копошился рядом, потом чуть ли не на цыпочках прошмыгнул в ванную, вернулся. Колин ощутил, как он вытирает ему спину салфетками, но смог отреагировать на это только очередным стоном.

— Ты в порядке? — спросил Эзра, легонько толкая его в плечо.

— Да ни хуя я не в порядке, я в хаосе, в еб твою мать, — весьма счастливым тоном произнес Колин. — Я в полном пиздеце, и мне здесь хорошо.

Эзра рассмеялся — не загоготал, как баклан, смех был приглушенный, подавленный.

— Эзра... — Колин не глядя протянул руку, нащупал его ладонь. — Эзра, ты... Ты чудо. Настоящее. Как же здорово, что ты меня нашел.

Он наконец повернулся и сел. И увидел, что печаль из глаз Эзры никуда не ушла. И что бы он ни сказал, что бы ни сделал — она не растает. Прежнего Эзры больше не будет. Будет только тот, который принадлежит ему.

Джек откровенно наслаждался, глядя на то, как Джил с выражением почти терминального шока на лице листает фотографии в папке на его компьютере, нервно щелкая мышкой.

На снимках двое обнаженных мужчин курили на балконе отеля, обнимались и ласкались друг к другу; сверкали голыми задницами, удаляясь обратно в номер; вновь появлялись снаружи уже в сумерках, едва различимые, с красными сигаретными огоньками. На другой серии фото один из них сажал второго в такси, целовал его на прощание, потом долго махал рукой вслед, как ребенок. Обычный уик-энд гейской пары, вот только был некий нюанс.

— Это же они, Джек? Это они? Лопни мои глазоньки, это же ебанный Колин Фаррелл с Эзрой, мать его так, Миллером, охренеть!

— Не понимаю, чему ты так удивляешься, — кокетливо произнес Джек. — Ты дала мне

поручение, я его выполнил, как всегда.

— Как тебе удалось? Откуда снимки? Во сколько обошлись? — в крайнем возбуждении тараторила Джил, начиная просматривать фото в третий раз.

— Ни во сколько. Я сам их сделал. Я теперь у тебя и херов папарацци. Вычислил, когда совпали в одной точке графики их съёмок, встретил Колина в аэропорту и проводил до отеля. Занюханый курорт для пенсионеров в Мексике — они, наверное, думали, что хорошо спрятались. Ну а там и Миллер появился. Остальное — уже дело техники. Не понимаю, чему ты удивляешься.

— Да я не верила в это ни на секунду! — вскричала Джил, обращая к нему пламенный взор. — Кто вообще в это поверил бы в здравом уме?

Улыбка вмиг исчезла с лица Джека.

— Что значит «не верила»? А зачем заставляла меня этим заниматься? Зачем требовала от меня историю о том, чего, по твоему мнению, никогда не было?

Джил виновато потупилась.

— Джек, это была морковка.

— Какая еще морковка?

— Которую вешают под носом у ос... у животного, чтобы бежало быстрее. Нет, погоди сердиться, я поступила так из лучших побуждений. Я же видела, как ты тут скучаешь, порой ненавидишь эту работу. И ты действительно заслуживаешь большего, но я всегда так боялась, что ты уйдешь... И я подумала: если дать тебе интересную задачу, но такую, которую ты никогда сможешь решить, то ты останешься здесь, не бросишь меня на этих...

— Она брезгливо покосилась в сторону двери, отделяющей их от прочих сотрудников. — Если ты уйдешь, я тоже все пошлю на фиг. Я без тебя не справлюсь, Джек.

На середине ее речи Джек стал кивать головой, мрачно ухмыляясь.

— Мне любопытно: через сколько минут ты пожалеешь о том, что сейчас сказала?

— Я уже жалею, — вздохнула Джил и принялась вытирать глаза. — Ну да ладно. Только скажи мне, что не собираешься увольняться.

— Не собираюсь, конечно, — пожал плечами Джек. — Теперь, когда у нас есть эта бомба...

— Так не будет бомбы. — Джил пересела за свой стол и буднично зарылась в бумаги. — Слишком велика угроза судебных исков. Вторжение в частную жизнь и все прочее. Не шутики тебе.

— Вот это ты, по-моему, сейчас шутишь, — процедил Джек, ставя кофейную чашку на стол. — Я что, зря старался? Тратил свое время и бюджетные деньги? Нет, это просто...

— Место на парковке, — быстро перебила его Джил. — Премия в размере оклада.

Отпуск. Хочешь в отпуск? Больше никаких ночных смен и никакого Твиттера. Идет?

— Кофе-машину еще купи, эта уже почти сдохла, — угрюмо пробурчал Джек, забираясь в свое кресло. — А с фото что делать?

— Удали их от греха подальше. И забудь о том, что видел. Я вот уже ничего не помню.